

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

М.В. Гречко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

А.Л. Ванян

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В КООРДИНАТАХ НООПЕРЕХОДА: ЭМПИРИКА И ПРАКТИКА ИНДИКАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые параметры нооперехода как процесса трансформации социально-экономической системы, фокусируясь на изменении природы труда и форм собственности. Основное внимание уделяется понятию ароморфоза труда как индикатору перехода от индустриально-рыночного уклада к неэкономическому способу удовлетворения разумных потребностей на основе творчества, культуры и развития личности. Предлагается система эмпирических индикаторов, отражающих глубину и направленность нооперехода в российском контексте: трансформация структуры труда, формы занятости, мотивация к труду, распространение креативной деятельности, а также диффузия собственности. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что Россия находится на переходной стадии между второй и третьей фазой глобального нооперехода, демонстрируя частичную трудовую и институциональную трансформацию при сохранении фундаментальных черт индустриального уклада.

Ключевые слова: ароморфоз, экономика, творчество, труд, креативность, ноономика, ноопереход, знания.

Для цитирования: Гречко М.В., Ванян А.Л. (2026). Российская экономика в координатах нооперехода: эмпирика и практика индикации // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте Т. 5, № 3. С. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

Mikhail V. Grechko

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Alina L. Vanyan

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

THE DOMESTIC ECONOMY IN THE CONTEXT OF NOOTRANSITION: EMPIRICAL EVIDENCE AND PRACTICAL IMPLICATIONS

Abstract: The article examines the key parameters of the nootransition as a process of transformation of the socio-economic system, focusing on changes in the nature of labour and forms of ownership. The focus is on the concept of the aromorphosis of labor as an indicator of the transition from the industrial-market system to a non-economic way of satisfying reasonable needs based on creativity, culture, and personal development. A system of empirical indicators

is proposed that reflects the depth and direction of the nootransition in the Russian context: the transformation of the structure of labour, forms of employment, motivation to work, the spread of creative activity, and the diffusion of property. Based on the analysis, it is concluded that Russia is in a transitional stage between the second and third phases of the global nootransition, demonstrating partial labour and institutional transformation while retaining the fundamental features of the industrial system.

Keywords: aromorphosis, economics, creativity, labour, noonomy, nootransition, knowledge.

For citation: Grechko M. V., Vanyan A. K. (2026). The Domestic Economy in the Context of Nootransition: Empirical Evidence and Practical Implications. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

格雷奇科М. В.

南方联邦大学 (俄罗斯, 罗斯托夫-纳-多努)

瓦尼亚恩А. Л.

南方联邦大学 (俄罗斯, 罗斯托夫-纳-多努)

智慧型转型过程中的俄罗斯经济状态——指标的实证和实践

摘要: 本文探讨了作为社会经济体系变革过程的智慧型转型的关键指标, 重点关注劳动性质和所有制形式的变化。主要探讨了劳动模态这一概念, 将其视为从工业-市场体制向非经济方式满足合理需求的过渡指标, 这种方式基于创造力、文化和个体发展。文中提出了一套反映俄罗斯当前社会背景下智慧型转型深度与方向的实证指标体系: 劳动结构的转型、就业形式、劳动动机、创造性活动的普及, 以及所有权的扩散。基于所进行的分析, 得出结论: 俄罗斯正处于全球智慧型转型第二阶段与第三阶段之间的过渡阶段, 在保留工业模式基本特征的同时, 展现出部分劳动和制度转型。

关键词: 模态、经济、创造、劳动、创造力、智慧经济、智慧型转型、知识。

引用注释: 格雷奇科М. В., 瓦尼亚恩А. Л. (2026). 智慧型转型过程中的俄罗斯经济状态——指标的实证和实践//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-57-79

Введение в проблему

Современная глобальная экономика переживает период глубинных и разнонаправленных трансформаций, охватывающих не только производственно-технологические, но и социально-экономические и культурные аспекты. Среди наиболее острых вызовов, стоящих перед человечеством, – нарастающее неравенство, кризис содержания и смысла труда, дегуманизация производственных процессов, доминирование краткосрочных финансовых интересов над долгосрочным развитием и т.д. Эти явления обостряют необходимость поиска альтернатив действующей модели экономического роста, основанной на прибыли, перепотреблении и эксплуатационной логике.

В этом контексте все более актуальной становится проблематика формирования новой парадигмы – ориентированной не на количественные показатели, а на развитие качеств человека, прогресс знания, кооперацию, творческую насыщенность труда. В отечественной политико-экономической школе данное направление получило концептуальное оформление в виде теории ноономики и сопряженного с ней явления нооперехода – качественно-го сдвига от индустриально-рыночной логики к (пост)рыночному, человекоцентричному укладу.

Однако данное направление все еще находится в стадии теоретико-методологического осмысления и становления: отсутствует единая система понятий, слабо проработаны методологические и эмпирические инструменты оценки текущих изменений. Особую сложность вызывает верификация стадии нооперехода применительно к конкретным национальным экономическим системам. Недостаточно рассматривать лишь количественные показатели (например, уровень ВВП, занятость) – необходимо учитывать национальные специфические параметры общественных отношений, характер и содержание труда, логику воспроизводства и т.д.

В этой связи, опираясь на вышесказанное, можно заключить, что проблема разработки системы эмпирических индикаторов, отражающих глубину и направленность нооперехода в отечественной экономической системе, опираясь на теорию ноономики, представляет собой значимую исследовательскую задачу, актуальную для современного поля общественных наук, требующую всесторонней проработки и конкретизации.

Литературный обзор по проблеме исследования

Проблематика нооперехода и сопряженная с ним трансформация характера труда занимает значимое место в современной отечественной политико-экономической мысли. Основы теории ноономики были заложены С.Д. Бодруновым, который определяет ее как качественно новую модель воспроизводства, ориентированную на знание, творческий труд и общественную кооперацию. Согласно его трактовке, ноономика – это «неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства» [Бодрунов, 2019, с. 9]. Подчеркивается, что «Ноономика – это качественно новая, неэкономическая общественная система, на пути к которой снимаются все основные институты существующей экономики – частная собственность, деньги и т.п., а человек становится личностью, ориентированной на несимулятивные потребности, на саморазвитие» [Бузгалин, Колганов, 2020, с. 9].

Важным направлением в осмыслении ноономики является критика рыночных ограничений творческого труда, что отражено в работах А.В. Бузгалина. Автор отмечает: «Реальными основаниями генезиса посткапиталистических отношений являются прогресс творческого по своему содержанию труда и возникающие на этой основе отношения, включающие в себя: 1) отношения создания неограниченных общественных благ, имеющих форму собственности каждого на всё; 2) отношения развития индивида в труде, обретающем статус потребности; 3) отношения со-творчества» [Бузгалин, 2022, с. 100]. Это означает, что ноономика базируется не на товарном характере труда, а на его способности быть выражением свободы, самореализации и социальной полезности.

Эту линию продолжает Л. А. Булавка-Бузгалина, акцентируя внимание на отчуждении творчества в рыночной культуре. Артикулируется, что рыночная система не только от-

чуждает результат труда художника, но и подчиняет себе сам процесс вдохновения и внутреннюю природу творца: «Теперь товаром становятся не только результаты творчества художника, но и его творческие замыслы, авторские идеи и даже то, что именуется «душой» или «вдохновением» творца. ... Так художник становится функцией рынка брендов» [Булавка-Бузгалина, 2021, с. 12-13].

Проблема трансформации труда в условиях цифровизации решается в исследовании М.В. Гречко и С.Э. Севилян. Авторы указывают, что автоматизация снимает рутинные задачи и способствует росту роли осмысленной деятельности, однако одновременно обостряются формы отчуждения. Так цифровой капитализм усиливает эксплуатацию через расширение рабочего времени, ритмизацию труда и подчинение креативной деятельности логике алгоритма [Гречко, Севилян, 2023, с. 310]. В этом контексте труд действительно приобретает двойное измерение – как фактор эмансипации и как объект цифрового контроля.

Политические и институциональные аспекты трансформации труда находят отражение в исследованиях зарубежных ученых. Так, А. Фримен пишет о фундаментальной роли творческого труда в современной экономике. Отмечено, что именно в сочетании с информационно-коммуникационными технологиями творческий труд становится источником создания рыночных продуктов, чья ценность основана на уникальности и не механическом характере, он подчеркивает, творческий труд – это не механический труд, который в совокупности с ИКТ создает массовый рынок для продуктов, воплощающих полезность уникальности [Freeman, 2020, p. 26].

Значительный вклад в развитие альтернативных экономических парадигм внес Римский клуб, начиная с первого доклада «Пределы роста» (1972). В последующих материалах, включая «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet», акцент сделан на необходимости устойчивого развития, переоценки экономических целей и ограниченности природных ресурсов. В центре внимания – не количественный рост, а качество развития, ориентированное на долгосрочную жизнеспособность системы [von Weizsäcker, 2018].

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции наблюдается движение к переосмыслению природы труда, целей развития и критериев прогресса. В отечественной политико-экономической мысли это направление оформляется в виде теории ноономики и нооперехода, акцентирующих внимание на смене целеполагания: от потребления и прибыли – к знанию, творчеству и самореализации.

Однако важно подчеркнуть, что в отечественной научной традиции до сих пор отсутствует устойчивая методология, позволяющая верифицировать ноопереход на эмпирическом уровне. В том числе слабо разработаны индикаторы, фиксирующие ароморфоз труда, как ключевой элемент нового уклада. В этом контексте задача представленного исследования заключается не только в теоретическом осмыслении ноономики, но и в разработке инструментов измерения для практического анализа текущего состояния отечественной экономики при ноопереходе.

Методы и методология

Представленное исследование опирается на традицию критической политической экономики, а также на ноологический и институциональный подходы, раскрывающие связь между трансформацией труда, развитием производительных сил и сменой общественно-

экономических укладов. Цель работы заключается в определении положения российской экономики на траектории нооперехода, посредством анализа соответствующих индикаторов. Объектом исследования выступает современная российская социально-экономическая система в ретроспективе и перспективе. Предмет исследования включает в себя ароморфоз труда и диффузию собственности как основные эмпирические маркёры стадийности нооперехода.

Выбор исследовательского инструментария определяется содержанием поставленной научной проблемы. Применительно к настоящему исследованию, таковыми являются следующие:

- теория ноономики, выступающая методологическим основанием исследования, позволяющая представить ароморфоз труда и ноопереход как взаимосвязанные процессы трансформации общественно-трудовых отношений;
- контент-анализ научных публикаций и выявление наиболее часто встречающихся трактовок понятий «ноопереход» и «ароморфоз труда» в отечественной и международной литературе;
- структурно-институциональный анализ, направленный на выявление особенностей форм занятости, их соответствие критериям ароморфоза труда и стадий нооперехода;
- статистический анализ, включая интерпретацию данных Росстата и аналитических центров.

Таким образом методологическая основа работы позволяет увязать теоретико-понятийный анализ с эмпирическим рассмотрением трансформации труда и форм собственности в отечественной экономике, что обеспечивает комплексный характер исследования.

Ноопереход и ароморфоз труда: содержательная детерминация

Переход к новому общественному укладу, основанному на знании, кооперации, творческой мотивации и креативной занятости, приобретает всё большую актуальность в условиях нарастающего противоречия между существующими формами труда и производительными силами. Этот процесс получил в научной литературе обозначение как ноопереход, представляющий собой глубокую трансформацию общественно-экономических основ развития.

Прежде чем изложить авторские размышления о логике и направлениях нооперехода, необходимо определиться с понятийной детерминацией данного феномена. Следует отметить, что в современном гносеологическом поле экономической науки одномоментно сосуществуют различные трактовки понятия «ноопереход», обуславливающие сложность в его формальном и унифицированном определении (таблица 1).

В применении понятия «ноопереход» в гносеологическом поле экономической науки можно увидеть плюрализм подходов, отражающих как (1) различие в теоретических основаниях, так и в (2) приоритетах анализа, т.е. от макроэкономических структур до трансформации трудовой мотивации и социальных целей воспроизводства.

Возможность объективно-научного понимания исследуемого понятия позволяет утверждать, что содержательно, ноономика связана с переходом к неэкономическому способу удовлетворения разумных потребностей на основе творчества, культуры и развития личности. В концепции С.Д. Бодрунова переход к знаниеёмкому материальному производству рассматривается как необходимая предпосылка нооперехода, однако знаниеёмкость

Таблица 1

Качественный анализ определений понятия «ноопереход»

Автор	Аспекты, на которых концентрируется внимание исследователя
С.Д. Бодрунов	Ноопереход как переход от индустриального и рыночного уклада к (пост)рыночной системе, основанной на смыслоцентрическом развитии, кооперации и удовлетворении нематериальных потребностей человека. Переход к «человекоцентричной модели» называется ноопереходом
А.В. Бузгалин	Подчеркивается связь нооперехода с эволюцией самого труда: от отчужденного и принудительного – к творческому и смыслообразующему. Труд становится потребностью личности, что и формирует посткапиталистические основания
М.В. Гречко	Комбинация качественных изменений в системе общественного развития, цель достижения которых называлась еще К. Марксом «той» стороной собственно материального производства и общественных отношений. Средством достижения подобного состояния является трансформация содержания труда, который из необходимости становится мотивом и потребностью реализуемой в рамках творческой деятельности
В.В. Архипова	Ноопереход рассматривается как поворотная точка развития к формированию ноообщества, основанного на знании, нооценностях и солидаризме; связывается с переходом к новому мирохозяйственному укладу – интегральному

Источник: авторская разработка.

производства сама по себе еще не означает становление ноономики: «Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства» [Бодрунов, 2019, с. 9]. Следовательно, в своей конечной фазе ноономика характеризуется неэкономическим способом организации хозяйства и представляет собой качественно новый этап общественного развития, что позволяет ее содержательно разграничить с экономикой знаний (как этапом развития пост-индустриальной экономики). В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться именно данного понимания ноономики, рассматривая ноопереход как процесс формирования предпосылок для становления «человекоцентричной» системы хозяйственной организации.

При этом во всех трактовках центральным «узлом» нооперехода выступает труд. Именно его качественное изменение становится как необходимым условием, так и эмпирическим индикатором отражения динамики данного процесса. В этом контексте особое значение приобретает понятие «ароморфоз труда», введенное в научный оборот С. Д. Бодруновым. Под ароморфозом труда С.Д. Бодрунов понимает качественный скачок в структуре и содержании трудовой деятельности, заключающийся в переходе от рутинных, стандартизированных и отчуждённых форм занятости, к деятельности, наполненной знанием, смыслом, общественной значимостью и личной мотивацией. Такой труд не просто обеспечивает воспроизводство материальных благ, но и становится способом самореализации человека, источником кооперации, развития и создания нового общественного уклада. При этом, ароморфоз труда, а также диффузия собственности выступают в роли основных маркёров стадийности нооперехода.

Ароморфоз труда и диффузия собственности как показатели нооперехода

В рамках логики ноономики труд становится средством развития как отдельной личности, так и всего общества. Это напрямую соотносится с идеей «инверсии» пирамиды Маслоу: если в индустриальную эпоху доминировали базовые потребности (выживание, безопасность), то в условиях цифровизации и базового изобилия происходит возврат к высшим уровням: самоактуализации, творчеству и т.д. В ноономике человек трудится не ради дохода, а ради смысла, развития, вклада в общее благо. Следовательно, именно структура и содержание труда становятся критерием того, насколько общество приблизилось к ноономическому укладу.

Некоторые исследователи показывают, что ключевые сектора ноономики (образование, наука, культура, здравоохранение, ИТ, проектная деятельность) характеризуются высоким уровнем нерутинной, а когнитивной и креативной нагрузки [Гречко, Плешивцева, 2024, с 161]. Они требуют инициативы, сотрудничества, междисциплинарности, способности к рефлексии и моральному выбору; они требуют внутренней мотивации и интеллектуальной вовлеченности. Поэтому рост занятости в обозначенных секторах и структурные изменения являются не второстепенным аспектом, а основным маркером и характеристикой состояния нооперехода.

Однако ароморфоз труда невозможен в отрыве от качества производственной среды. Если система образования продолжает воспроизводить рутинные навыки, а трудовая культура и сложившаяся модель производственных отношений поощряет исполнительность, а не инициативу, то формальные показатели занятости в креативных сферах не будут означать нооперехода. Именно поэтому столь важны гарантии свободы и автономии труда, поддержка самозанятости, фриланса, формирование среды сотворчества, а не корпоративной иерархии.

Таким образом, ароморфоз труда – это не линейный процесс, а сдвиг в системе производительных сил и производственных отношений, который может быть ускорен или заблокирован в зависимости от приоритетов государства, целей развития бизнеса и общества. В этом смысле не сам по себе рост информационно-технологических отраслей (ИТ) или креативной занятости является показателем нооперехода, а то, насколько такие формы труда становятся нормой и осмысленной целью развития.

Следовательно, труд в логике ноономики выполняет двойную функцию: с одной стороны, он выступает индикатором глубинной трансформации; с другой – является системообразующим механизмом формирования нового общественного уклада. Пока труд остается отчужденным, рутинным, обезличенным, говорить о ноопереходе можно лишь как о потенциале. Лишь когда труд становится пространством свободы, творчества и солидарности, тогда возможна реализация (пост)рыночного, человекоцентричного уклада.

Решение обозначенной научной проблемы в дальнейшем зависит от теоретического осмысления доступного эмпирического материала, обобщение и осмысление которого позволило авторам представить ключевые индикаторы, отражающие ароморфоз труда в контексте нооперехода, а также дать их характеристику и определить практическое значение для оценки текущего состояния сферы труда в отечественной социально-экономической системе (таблица 2). Однако сначала дадим методологическое пояснение.

Для эмпирической оценки положения российской экономики в координатах нооперехода нами используются показатели, отражающие ключевые трансформации в практике

общественного производства, выделяемые в исходной концепции С.Д. Бодрунова. Среди них: распространение знаниеёмкого производства, трансформация структуры труда, развитие новых форм занятости и диффузию форм собственности. Выбор перечня индикаторов обусловлен тем обстоятельством, что посредством их изменения на практике проявляются предпосылки перехода к ноономике. В конечном итоге это позволяет использовать представленные индикаторы ароморфоза труда в качестве эмпирических маркёров стадийности нооперехода.

Таблица 2.

Систематизация и характеристика основных индикаторов ароморфоза труда в контексте нооперехода в отечественной социально-экономической системе

Индикатор	Характеристика
Знаниеёмкость труда	Выражается через долю ВДС, создаваемую отраслями, где доминируют знания и интеллект (образование, ИТ, наука, культура). Указывает, насколько экономика в своем развитии опирается на знание и интеллект, а не на морально устаревшее индустриальное производство
Трансформация структуры труда	Комплексный показатель, включающий в себя: 1) творческую составляющую процесса труда, которая оценивается посредством доли занятых в креативных, интеллектуальноёмких профессиях и является индикатором перехода от рутинного труда к сотворчеству, самореализации и когнитивной автономии. 2) рутинность труда отражает долю занятости, связанной со стандартизированными и алгоритмизируемыми операциями, подверженными автоматизации. Индикатор позволяет выявить преобладание форм занятости, не требующих высокой когнитивной или креативной вовлеченности, и тем самым оценить отставание или прогресс в переходе к ноономике
Новые формы занятости	Является индикатором гибкости, децентрализации и субъектности труда. Рост этих форм указывает на институциональную перестройку общественного уклада
Диффузия собственности	Индикатор отражает проявление и распространение новых форм собственности и совладения. Указывает на качественные сдвиги в организации труда, снижении степени отчуждения; демонстрирует, насколько система собственности способствует когнитивной кооперации и обществу характеру труда

Источник: авторская разработка

Далее проведем анализ представленных индикаторов ароморфоза труда в контексте нооперехода в отечественной социально-экономической системе более детально.

Знаниеёмкость труда. Выступает одним из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень приближения экономики к ноономическому укладу. Под этим понятием понимается доля трудовой деятельности, в которой доминируют когнитивные, аналитические и исследовательские функции, опирающиеся на системное знание и высокий уровень образования. Для количественной оценки этого параметра используется доля валовой добавленной стоимости (ВДС), создаваемой в знаниеинтенсивных отраслях – таких как образование, здравоохранение, культура, высокотехнологичное производство и сфера научных исследований. Рост вклада этих отраслей в ВДС указывает на то, что экономика все в большей степени базируется не на технологиях индустриального производства, а на знании, как основном ресурсе. Это, в свою очередь, является прямым

признаком углубляющегося нооперехода и ароморфоза труда т.е. перехода к креативной, интеллектуальной и общественно значимой деятельности. Обратимся к показателю ВДС по отраслям отечественной экономики согласно данным Росстата (рис. 1).

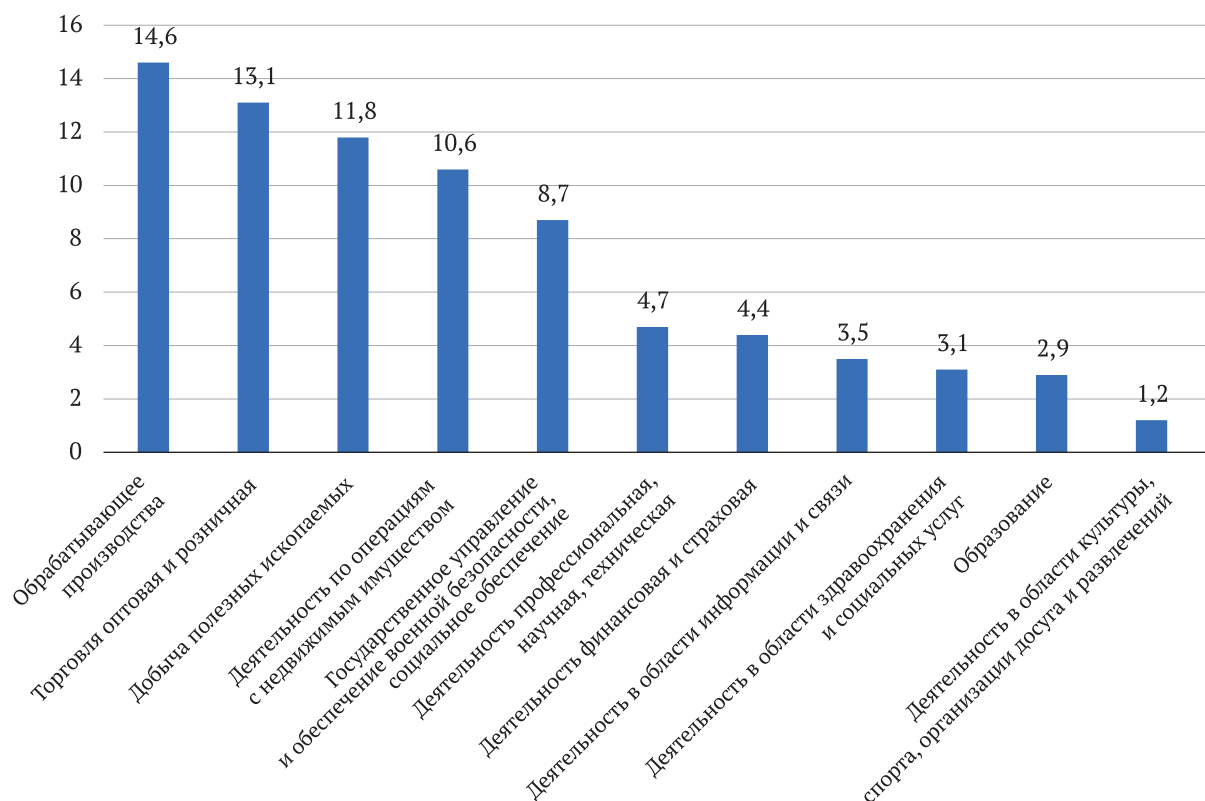

Рис. 1. Валовая добавленная стоимость по отраслям экономики России в 2024 году, %.

Источник: составлено на основе данных: Социально-экономическое положение России 2024 год. Режим доступа: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (Дата обращения: 15.06.2025 г).

Согласно данным, основную долю ВДС в России в 2024 году сформировали такие сектора как оптовая и розничная торговля, обрабатывающее производство, добыча полезных ископаемых и деятельность по операциям с недвижимым имуществом. На их долю приходится почти 50% валовой добавленной стоимости. В то же время сектора наиболее значимые с точки зрения ноономической перспективы (образование, здравоохранение, научная и техническая деятельность) в совокупности генерируют менее 15% ВДС.

Соответственно, такая диспропорция отражает сохранение индустриально-рыночной логики развития, где ключевым приоритетом остаются воспроизводство и сырьевые отрасли, тогда как человекоцентрические и знаниеёмкие сектора недофинансированы и вторичны. Это указывает на дисбаланс в структуре экономики, затрудняющий реализацию нооперехода и формирование новой модели, ориентированной на творческий труд, образование и культуру.

1. Трансформация структуры труда. Трансформация структуры труда представляет собой комплексный показатель, отражающий динамику соотношения рутинных и творческих видов занятости в экономике. Индикатор характеризует качественный сдвиг в содержании трудовой деятельности: от преобладания стандартизированных, воспроизводимых

функций к распространению креативного, когнитивного и смыслообразующего труда. Этот процесс отражает непосредственно ароморфоз труда как маркёр нооперехода.

Важным показателем ароморфоза труда и перехода России к ноономике является доля занятых в отраслях, ориентированных на креативность, интеллектуальное созидание, смысловое проектирование и культурное воспроизводство¹.

Концептуально этот сдвиг соответствует логике ароморфоза как эволюционного скачка: труд из принудительного и отчужденного процесса превращается в форму самореализации, интеллектуальной автономии и смыслового вклада в общее благо. Обратимся к данным Росстата о структуре занятых по видам экономической деятельности (рис. 2).

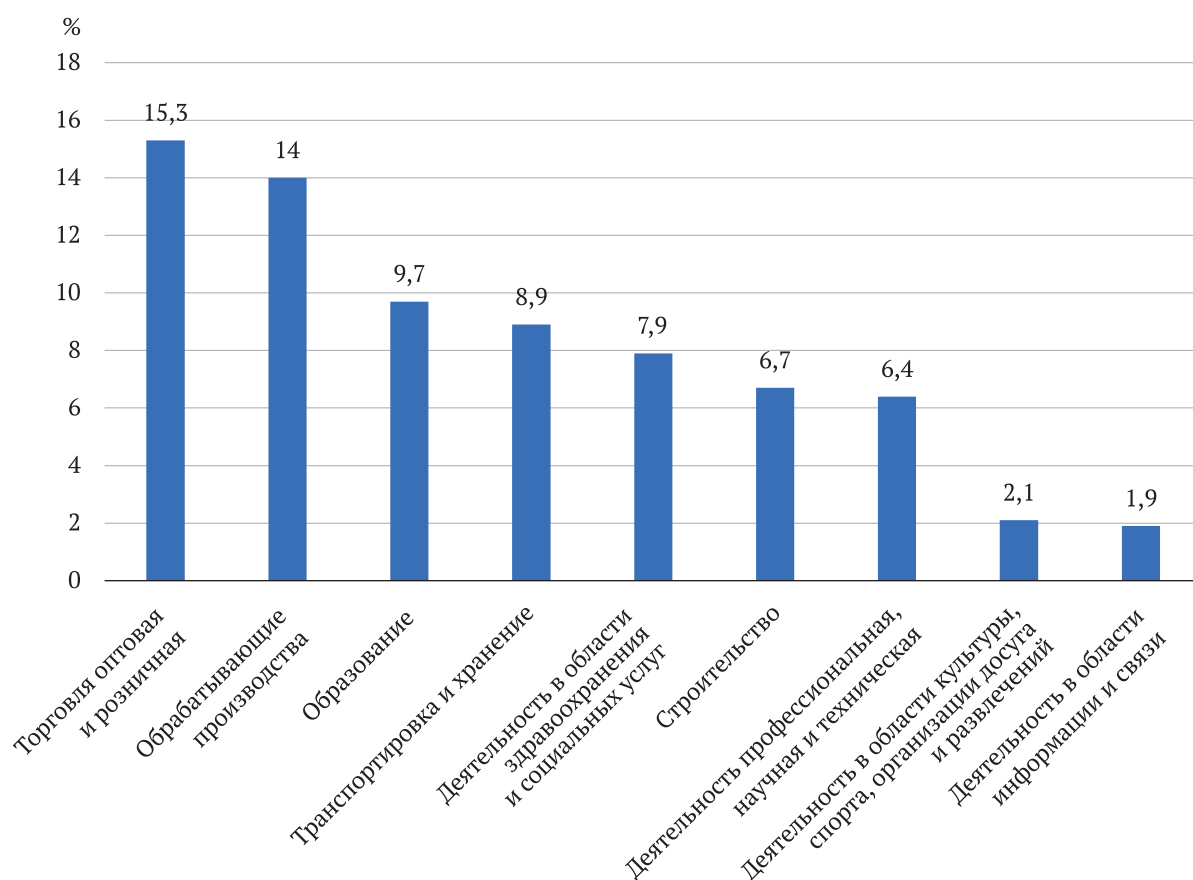

Рис. 2. Структура занятых по видам экономической деятельности в России в 2023 году, %

Источник: составлено на основе данных: Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (Дата обращения: 15.06.2025 г).

Анализ структуры занятости по видам экономической деятельности в России, проведенный на основе данных Росстата, позволяет охарактеризовать реальную фазу ароморфоза труда и выявить объем креативной занятости. Среди всех сфер экономики к числу от-

¹ Справка: важно при этом различать творческий характер труда, который может присутствовать в различных секторах (например, образовании или здравоохранении), и занятости в креативных индустриях как специализированных отраслях экономики, производящих оригинальный, культурный, цифровой и дизайнерский продукт. Таким образом, рост творчески ориентированной занятости, в широком смысле, отражает структурную трансформацию труда: от рутинного, воспроизводимого по алгоритму, к сотворческому, где результат не может быть заранее запрограммирован.

раслей с высокой когнитивной и креативной нагрузкой могут быть отнесены образование, здравоохранение, профессиональная, научная и техническая деятельность, культура, спорт и досуг, а также информационно-коммуникационная сфера.

Существенным индикатором качественных изменений в структуре труда становится рост занятости в креативной экономике. Согласно отчету ВШЭ «Креативный сектор России в цифрах: 2024», на сегодняшний день доля занятых в креативной сфере составляет порядка 6,2% от общей численности работающих. Примечательно, что структура занятости в данном секторе демонстрирует ярко выраженную когнитивную и образовательную направленность: 32,5% работников составляют молодые специалисты, а 56% имеют высшее образование. Темпы роста добавленной стоимости в креативной экономике России в 2023 году в 1,7 раза были выше, чем в среднем по экономике, что также свидетельствует о ее динамичности¹. По прогнозам, доля креативных индустрий в структуре ВВП к 2030 году может достичь 6% по сравнению с текущими 3,5%².

Таким образом, суммарно отрасли с высокой когнитивной и креативной нагрузкой формируют около 32% всей занятости. Однако не все эти сектора равнозначны с точки зрения творческой свободы и интеллектуальной автономии. Более узко творческие и знаниевые отрасли, в которых труд напрямую ориентирован на генерацию новых знаний, культурного смысла и инноваций, включают: профессиональную, научную и техническую деятельность, деятельность в сфере культуры, спорта и развлечений, информацию и связь.³ Совокупно на эти направления приходится всего 10,4% занятых, что свидетельствует о том, что творческая составляющая труда в отечественной экономике остается на низком уровне, несмотря на отдельные очаги роста. Особенно это контрастирует с секторами традиционной экономики, где занятость значительно выше: оптовая и розничная торговля – 15,3%, обрабатывающее производство – 14%, транспортировка и хранение – 8,9%, строительство – 6,7%. В этих четырех отраслях, характеризующихся высокой степенью рутинности, повторяемости трудовых операций, а также функциональной отчужденностью труда, суммарно сосредоточено около 45% рабочей силы. Они ориентированы преимущественно на материальное производство, торгово-посреднические операции, логистику и реализацию; то есть воспроизводят логику индустриального уклада, несовместимую с ноономической парадигмой.

Такое соотношение указанных пропорций креативной (творческой) и рутинной занятости указывает на то, что ароморфоз труда в отечественной экономике пока не приобрел системного характера, несмотря на важную роль, которую играют ИТ, наука, культура и образование в переходе к ноономике. Важной также остается пространственная и организационная концентрация: занятость в креативных и творческих отраслях сосредоточена в мегаполисах, т.е. креативность имеет преимущественно городскую локализацию, создавая тем самым т.н. феномен пространственного «креативного неравенства». При этом сами формы труда зачастую сохраняют признаки наемной, вертикально организованной занятости. Согласно данным НИУ ВШЭ, рост занятости в креативных индустриях в Москве

¹ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. «Креативный сектор России в цифрах: 2024» URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 23.07.2025)

² Вольная экономика. № 33, январь – март 2025 г. Стр. 102 – 109.

³ Справка: Образование и здравоохранение безусловно являются сферами, в которых важную роль играют знания и человек, но лишь часть этой занятости обладает признаками настоящего ароморфоза труда – высокой степенью автономии, смысловой мотивации и творческой свободы.

составил 24,4%, в Санкт-Петербурге – +10,7%, в городских округах с населением более 1 млн человек рост составил 9%, в менее урбанизированных территориях аналогичный показатель держался на уровне +3,9–4,5%¹.

Таким образом, текущая структура занятости демонстрирует дисбаланс между традиционной и креативной составляющей процесса труда. Российская экономика функционирует в рамках индустриально-рыночной модели развития, в которой креативность, знание и культура играют вспомогательную роль в процессе развития. Для запуска устойчивого механизма нооперехода необходимо не только количественное расширение занятости в креативных отраслях, но и качественная трансформация системы общественных отношений: снижение бюрократизации, развитие гибких форм занятости, поддержка автономии и междисциплинарного творчества.

Напрямую связанным с индикатором ароморфоза труда является показатель рутинности трудовых операций в экономике. Переход к ноономике невозможен без глубоких преобразований в структуре труда, прежде всего через вытеснение рутинных и повторяемых операций и замещение их когнитивной, творческой и кооперативной деятельностью.

Парадигма ароморфоза труда позволяет по-новому взглянуть на структуру занятости не только с точки зрения отраслей или уровня квалификации, но и с позиции характера трудовых задач. Можно выделить:

- рутинные ручные задачи (физически повторяющиеся действия (уборка, фасовка, станочная работа));
- рутинные когнитивные задачи (предсказуемые умственные действия (заполнение отчетов, проверка данных, ввод информации));
- нерутинные когнитивные задачи (анализ, планирование, работа с людьми, творчество);
- нерутинные физические задачи (взаимодействие с объектами в нестандартной среде (медицина, уход, ремонт)).

Для оценки структуры труда по типам задач в России можно обратиться к данным, представленным в следующих исследованиях. Это работа Е.А. Единак, где на основе отечественной статистики приводится структура занятости по уровням квалификации. По состоянию на 2017 год высококвалифицированные работники (менеджеры, специалисты) составляли лишь 31% рабочей силы (~ 22,5 млн. человек), среднеквалифицированные – 45%, низкоквалифицированные – 27%. Причем значительная доля работников сосредоточена в отраслях с высоким уровнем рутинности: торговля, обрабатывающее производство, услуги. Образование и здравоохранение, являющиеся опорными сферами ноономики, привлекают лишь около 30% высококвалифицированной занятости [Единак, 2021, с. 60].

Однако уровень квалификации лишь косвенный индикатор. Более глубокую картину дает исследование В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, в котором был рассчитан интегральный индекс рутинности труда (Routine Task Intensity, RTI) на основе анализа 421 профессии. Результаты показывают, что суммарная доля рабочих мест, на которых преобладают рутинные операции, невелика и составляет немногим более одной десятой [Гимпельсон, Капелюшников, 2022, с 39].

¹ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост» URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (дата обращения: 23.07.2025)

Однако это не означает автоматического доминирования креативного труда. Напротив, исследование показывает, что рутинные когнитивные функции сохраняют высокую долю в профессиях средней квалификации и особенно среди офисных служащих. У этой группы индекс рутинности приближается к +0,7, что делает их наиболее уязвимыми к автоматизации и одновременно наиболее отчужденными от задач развития.

В целом же, несмотря на рост уровня образования, структура задач в отечественной экономике по-прежнему остается преимущественно рутинной, и потому несовместимой с ценностной и функциональной логикой ноономики. Отсюда следует важный вывод: низкий формальный уровень рутинности (10–20%) не позволяет говорить о процессе ароморфоза труда, т.к. большая часть задач остаётся предсказуемой и подчиненной алгоритму, творческие аналитические функции не встроены в производственную культуру, рутинные действия выполняются в условиях организационной свободы и административного контроля.

Таким образом, для запуска механизма ароморфоза как системного процесса требуется увеличение доли занятости в отраслях с высокой когнитивной и креативной нагрузкой. Кроме того, необходимо снижать зависимость экономики от сфер с высокой повторяемостью задач (торговля, транспорт, низкоквалифицированные услуги). Эмпирически порог, необходимый для запуска механизма ароморфоза, может быть условно определен как достижение преобладания нерутинных когнитивных задач на уровне 50% работающего населения, с одновременным снижением роли рутинных когнитивных операций в офисной и административной сфере.

2. Новые формы занятости. Современный этап трансформации труда сопровождается не только изменением его содержания, но и сдвигом в организационных формах. Появление новых форм занятости (НФЗ) таких как самозанятость, фриланс, удаленная и гибкая работа, проектная занятость и т.д. отражает децентрализацию и индивидуализацию трудовой деятельности, повышает уровень автономии, расширяет пространство выбора и, потенциально, приближает труд к состоянию сотворчества.

В отличие от классического наемного труда, основанного на иерархии, подчинении и отчуждении, новые формы занятости позволяют работнику самостоятельно управлять содержанием, ритмом и масштабом своей деятельности. Именно этот сдвиг (от выполнения к инициированию, от приказа к проекту) делает их потенциальным маркёром ароморфоза труда. Как известно, в теории ноономики труд трактуется как внутренняя потребность, форма смыслового участия в обществе, а не только способ получения дохода. В новых формах занятости закладываются именно такие возможности.

Наиболее развитой формой в России стала самозанятость, оформленная в рамках специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД). По данным Федеральной налоговой службы, к марту 2025 года в стране было зарегистрировано 13,02 млн самозанятых¹. Прирост за год составил более 30%, что говорит об активном вытеснении трудовой активности из формального найма в сторону профессиональной автономии. Важно подчеркнуть, что большая часть самозанятых – это специалисты в области услуг, преподавания, цифрового консалтинга, дизайна и ремесленничества, то есть тех сфер, где доминирует знание, навык и индивидуальность.

¹ Русбейс (2025). ФНС: число самозанятых в России впервые превысило 13 млн человек. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (дата обращения 17.06.2025).

Еще одной распространённой формой занятости является фриланс, представляющий собой внештатную, проектную и контрактную занятость. К 2023 году в России насчитывалось около 19 млн. человек, занятых в проектной и внештатной занятости, что составляет примерно 18 – 20% экономически активного населения¹. Фриланс особенно распространён в ИТ, дизайне, переводе, образовании и онлайн-услугах, что делает его важным индикатором гибкости и когнитивной направленности труда. Более того, именно фриланс представляет собой форму, близкую (но не являющуюся таковой в полном смысле) к логике самоорганизованного, творчески мотивированного труда, описываемого в пострыночных теориях.

Наконец, в условиях цифровизации и постпандемийной реструктуризации занятости активно развивается удаленная и гибкая форма труда. Согласно ВЦИОМ, в 2024 – 2025 гг. около четверти всех занятых в России имели опыт удаленной работы². Такие формы значительно расширяют индивидуальный контроль над рабочим временем, ритмом и содержанием деятельности, что усиливает субъектность и может рассматриваться как важный элемент ноономического уклада.

Однако важно подчеркнуть, что не вся новая занятость является прогрессивной содержательно. Например, так называемая платформенная занятость, хотя формально разрушает структуру традиционного найма, на деле остается высоко алгоритмизированной, отчужденной и рутинной. Работник в таких условиях подчиняется не начальнику, а алгоритму, не управляет результатом, а лишь исполняет задачу по жесткому регламенту. Это скорее цифровая форма рутинного, подчиненного труда, чем шаг к ноономике, и поэтому не может рассматриваться как проявление ароморфоза труда.

Кроме того, следует отметить, что не все новые формы занятости могут быть однозначно отнесены к проявлениям ароморфоза труда. Несмотря на внешнюю гибкость и цифровую природу, многие из них сопровождаются отчуждённостью, отсутствием институциональных гарантий, усилением контроля и ритмизации. Таким образом, часть этих форм носит гибридный характер: они совмещают элементы автономии с чертами цифровой рутины³. Это требует уточнения: в рамках ароморфоза труда релевантными могут считаться лишь те формы, которые обеспечивают субъектность, творческую самореализацию и смысловую мотивацию.

Таким образом, новые формы занятости, при сохранении определенных условий, могут выступать в качестве маркёров нооперехода, поскольку позволяют выйти за пределы вертикальной трудовой организации, повышают смысловую и содержательную насыщенность труда, создают основу для проектной, автономной и общественно-значимой деятельности.

3. Диффузия собственности. Диффузия собственности представляет собой появление и распространение новых форм собственности и совладения, таких как шеринг, квазичаст-

¹ Инклиент (2025). Сколько фрилансеров в мире? URL: <https://incli.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 17.06.2025).

² ВЦИОМ (2025). Работа из дома как новая норма. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Справка: В рамках исследования к автономным формам занятости относятся такие формы как: независимый фриланс, самозанятость в сфере интеллектуальных и профессиональных услуг, а также проектная занятость, предполагающая высокий уровень самостоятельности работника. Соответственно к псевдоавтономным (или квазиавтономным) формам занятости относятся платформенная занятость (курьеры, водители агрегаторов и др.), при которой формальная самостоятельность сочетается с высокой степенью алгоритмического и организационного контроля.

ные модели, платформенные формы и коллективные владения результатами интеллектуального труда. Данный индикатор позволяет зафиксировать сдвиги в системе общественных отношений, сопровождающие трансформацию труда в условиях нооперехода от индустриально-рыночной модели к пострыночной экономике.

Новые формы собственности создают принципиально иную «оболочку» трудовой деятельности. В условиях шеринговой и платформенной экономики труд все чаще осуществляется в рамках совладения результатами, коллективного использования ресурсов и soft-коллективизма. Это выражается, например, в распространении практик совместного владения интеллектуальным продуктом (open source), развитии модели совладения производственными средствами на платформах (например, краудфандинговые проекты) и увеличении доли шеринговых сервисов, где пользователи одновременно выступают и потребителями, и участниками процесса создания ценности. Таким образом, новые формы собственности способствуют расширению кооперативных практик, снижению степени отчуждения труда и усилению его смыслообразующей функции.

По данным РБК, в 2019 году объем российского рынка шеринг-экономики оценивался в 770 млрд. рублей¹. Наиболее активно развиваются сегменты каршеринга, краткосрочной аренды жилья и совместного использования техники, что отражает устойчивый интерес к совместным формам владения и использования ресурсов. Актуальные опросные данные, представленные в исследовании Tele2 и Mobile-Review показывают, что 57% россиян в возрасте 18 – 35 лет хотя бы раз пользовались шеринговыми сервисами, а 23% делают это регулярно². Эти показатели подтверждают постепенное формирование новой модели отношения к собственности, основанной на принципах совместного доступа, функционального использования и снижения эксклюзивности владения, что может рассматриваться как один из признаков институциональной трансформации условий труда в рамках нооперехода.

Дополнительным проявлением трансформации отношений собственности и организации труда выступают практики краудфандинга и краудлендинга, отражающие распространение моделей совместного участия в создании и финансировании проектов. Эти формы совладения ресурсами предполагают коллективное инвестирование, в ряде случаев – с распределением прав или доходов от результатов труда, что делает их релевантными для анализа стадийности нооперехода. По данным BusinesStat в период с 2020 по 2024 год оборот российского рынка краудфандинга вырос с 7 до 53 млрд рублей, увеличившись более чем в 7 раз³. Кроме того, по данным ЦБ РФ, в 2023 году через краудлендинговые платформы было привлечено более 22,8 млрд рублей, что подтверждает рост интереса к коллективным формам финансирования в реальном секторе экономики⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о тенденции к распространению коллективных механизмов управления и распределения ресурсов, опосредующих труд и создающих но-

¹ РБК. Тренды (2020). Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (дата обращения: 25.06.2025).

² Mobile-reiew (2024). Интересная статистика о шеринговых сервисах в России от Tele2. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (дата обращения: 26.06.2025).

³ BusinesStat (2025). Анализ рынка краудфандинга в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг. (Демонстрация). С. 8. URL: https://businesstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Джетленд (2024). Статистика ЦБ по краудлендингу и краудфандингу за 2023 год. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (дата обращения: 21.06.2025).

вые институциональные формы взаимодействия субъектов. Таким образом, краудфандинг и краудлендинг могут рассматриваться как маркёры диффузии собственности и формирования soft-коллективистской логики в условиях трансформации.

Диффузия собственности в современных условиях фиксирует противоречивый характер процессов нооперехода. С одной стороны, рассмотрение шеринговых моделей и коллективного владения результатом труда создает предпосылки для формирования soft-коллективистских практик, способствующих развитию когнитивного сотрудничества. С другой стороны, многие платформенные модели сохраняют черты отчуждения труда: участники не получают права на результат своей деятельности и функционируют в рамках жестко регламентированных цифровых экосистем.

Таким образом, диффузия собственности может рассматриваться как значимый институциональный индикатор нооперехода, отражающий глубину и направленность трансформации отношений собственности и условий труда. Появление новых форм совладения и коллективного использования ресурсов свидетельствует о росте кооперативного характера труда и усилении когнитивной кооперации как предпосылок для формирования (пост)рыночного, ноономического уклада, в котором знание и результат интеллектуального труда рассматриваются как общие блага, а не как объект индивидуальной частной собственности.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет сделать обоснованные выводы о характере и степени выраженности ароморфоза труда в современной российской экономике в контексте определения потенциала для возможного нооперехода. Обозначенные индикаторы отражают ключевые направления трансформации трудовой сферы в (пост)рыночном контексте.

В целом, наблюдается наличие отдельных локальных сдвигов, соответствующих логике ароморфоза труда: растет доля занятости в креативных и проектных формах, увеличивается число самозанятых, расширяется присутствие сферы образования и ИТ в структуре труда, появляются новые формы собственности. Однако эти процессы пока не приобретают системного, институционально оформленного характера. Значительная часть экономики продолжает опираться на рутинный, стандартизируемый и отчужденный труд, особенно в секторах торговли, производства, транспорта и управления.

Главным ограничивающим фактором выступает структурная рассогласованность рынка труда и недостаточная, зачастую спорадическая государственная поддержка когнитивной, творческой и автономной занятости. Несмотря на количественные признаки сдвига, качественные параметры (смысловая насыщенность труда, степень свободы, интеграция в общественно значимую деятельность) остаются локально-фрагментарными. Это позволяет говорить лишь о начальной фазе нооперехода, в которой потенциал трансформации пока не реализуется в устойчивую модель развития.

В представленной ниже таблице 3 систематизированы ключевые выводы по каждому из рассмотренных индикаторов.

Авторы полагают, что для того, чтобы перейти от фрагментов к целостной модели ноономики, необходимо не только расширение занятости в творческих и креативных отраслях, но и трансформация целевой функции экономического развития на уровне государства. Речь идет о смене акцента с роста материального производства и прибыли на удовлетворение смысловых, общественно-значимых и духовных потребностей, что и составляет суть ноо-

Таблица 3
Итоговая оценка индикаторов в контексте нооперехода

Индикатор	Оценка
Знаниеёмкость труда	Доля знаниеёмких отраслей остается ограниченной. Есть очаги роста (ит, образование), но отсутствует системность.
Творческая составляющая труда	Доля креативной занятости увеличивается, но остается недостаточной. Основная структура преимущественно рутинна.
Рутинность труда	Высокий уровень рутинных задач в экономике. Автоматизация не сопровождается когнитивным переобучением.
Новые формы занятости	Быстро развиваются, но без достаточной правовой и институциональной опоры. Фиксируется противоречивость современных форм занятости по линии их реальной автономности.
Диффузия собственности	Происходит рост коллективных моделей владения (шеринг, крауд-фандинг), однако большинство платформенных практик сохраняют высокую степень отчуждения. Признаки институционального сдвига есть, но они пока фрагментны.

Источник: авторская разработка.

перехода. В этом контексте важно обратиться к концептуальной схеме стадий нооперехода, предложенной С.Д. Бодроновым, которая представлена на рисунке 3. Рисунок отражает логику глобального ноодвижения посредством шести ключевых параметров, каждый из которых позволяет оценить институционально и структурно глубину происходящих изменений.

Основные характеристики	Вектор глобального нооперехода как интервал ноодвижения и его содержание				
Ключевые этапы нооперехода	I	II	III	IV	V
МХУ	→	Интегральный			
ТУ	→	ТУ-VI	→	ТУ-VII	
Тип производства	→	знаниеинтен-сивное	→	нооинтенсивное (ноопроизводство)	→
Состояние МВФС	КЭФ	НС	НОО-МВФС		→
Тип общественного устройства	НИО	→	НИО.2	→	ноообщество
Системная трансформация	экономика		→	ноономика	

Примечание: «→» – символ переходного состояния; КЭФ = «конец эры финансиализации», НС = «нормальное состояние», «НИО» – новое индустриальное общество, «НИО.2» – новое индустриальное общество второго поколения; «ТУ» – технологический уклад, «МХУ» – мирохозяйственный уклад, «МВФС» – мировая валютно-финансовая система.

Рис. 3. Схема глобального нооперехода¹

¹ Источник: Бодронов С.Д. (2025). Теория ноономики и новый этап в развитии политической экономики // Вопросы политической экономики. № 2(42). С. 128–138.

Сопоставление представленных параметров с результатами проведенного авторами анализа позволяет формально определить текущее положение страны на траектории нооперехода.

1. Мирохозяйственный уклад (МХУ): Россия по-прежнему ориентирована на индустриально-сырьевой уклад с высокой степенью зависимости от ресурсного экспорта и внешнеэкономической конъюнктуры. Однако под воздействием санкционного давления и новой технологической изоляции происходят элементы трансформации. Это соответствует переходному состоянию МХУ (→), характерному для II этапа нооперехода, где начинается отход от неолиберальной финансовой модели, но еще не сформирован интегральный уклад.

2. Технологический уклад (ТУ): на глобальном уровне современные передовые страны находятся в стадии подготовки к доминированию шестого технологического уклада, в рамках которого интеллект, наука и творческая деятельность становятся основными производительными силами, формируя новую структуру труда и модели организационного развития [Бодрунов, 2022, с. 42; Глазьев, 2023, с. 28 – 30]. В то же время, по данным академика Е.Н. Каблова, на 2023 год структура российской экономики демонстрирует доминирование технологий IV технологического уклада (около 50%), при этом доля V уклада составляет лишь около 10% и сосредоточена в ограниченных секторах – военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли. Примерно треть технологий относится к III укладу¹. Это указывает на сохраняющееся технологическое отставание, не позволяющее в полной мере реализовать потенциал ароморфоза труда. Таким образом, Россия пока не завершила переход даже к доминированию V ТУ, что создает структурные ограничения для вхождения в фазу ноономики.

3. Тип производства: экономика преимущественно сохраняет индустриально-материальный тип производства, однако в отдельных секторах наблюдается рост знание-интенсивности (например, рост креативной экономики в системе общественного производства). Это указывает на начало смещения к знаниеинтенсивному производству, характерному для этапа II, с отдельными чертами III этапа (нооинтенсивность еще не достигнута).

4. Тип общественного устройства: несмотря на рост самозанятости, фриланса и цифровых профессий, Россия сохраняет логику вертикального управления, слабой субъектности труда, институционального контроля. Тем не менее, элементы НИО.2 начинают формироваться, особенно в мегаполисах (например, локализация креативных работников преимущественно в крупных городских агломерациях (около 80% занятых)). Это соответствует концу II этапа и началу III этапа.

5. Системная трансформация: целеполагание экономики по-прежнему ориентировано на рост показателя ВВП, добычу ресурсов и экспортные потоки. Категории «смысл», «развитие человека», «социальная справедливость» не встроены в систему ценностно-целевых показателей на уровне государственной стратегии развития. Поэтому можно утверждать, что Россия пока еще находится в фазе «экономики» как доминирующей формы системной организации, т.е. на рубеже II – III этапов.

¹ Наука и жизнь. Шестой технологический уклад. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 23.07.2025).

Выводы

В итоге, объективно-научное осмысление и непосредственное обобщение полученных результатов исследования свидетельствует о формировании в российской экономике отдельных характеристик, присущих III этапу нооперехода (т.е. перехода к «человекоцентричной модели» развития, драйвером которой, по С.Д. Бодрунову, выступает труд). К ним относятся: рост значения знаниеёмкого производства, увеличение доли интеллектуального труда и распространение новых форм занятости. Вместе с тем данные процессы носят фрагментарный и спорадический характер, а также не сопровождаются масштабной трансформацией отношений собственности и повсеместным распространением автономных форм организации труда. Авторы полагают, что именно сочетание сформировавшихся предпосылок следующего этапа развития с сохранением значительной роли традиционных социально-экономических отношений, позволяет в итоговой форме охарактеризовать современное положение России как промежуточное (переходное) между II и III этапами нооперехода.

Таким образом, переходное положение России в рамках обобщающей схемы глобального нооперехода означает, что страна преодолела исключительно индустриальный этап и вступила в зону смыслового и трудового трансформирования, однако пока без доминирования новых укладов. Настоящий момент можно охарактеризовать как «потенциальную зону нооперехода», где диалектические противоречия между старой и новой логикой развития уже явно выделены, но еще не «сняты».

Для перехода к следующему этапу требуется системная поддержка креативной и когнитивной занятости, институциональное оформление новых форм труда, переопределение целей развития в пользу человека, знаний и общественно значимого созидания. Лишь в этом случае ароморфоз труда перестанет быть фрагментом и станет структурным маркером будущей ноономики.

Список источников

- Архипова В. В. (2023). Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства. // Экономическое возрождение России. 2023. №1(75). С.15. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49.
- Бегин А. (2024). Сколько фрилансеров в мире? // Инклиент. URL: <https://incli.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 17.06.2025).
- Бодрунов С. Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20, № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Бодрунов С. Д. (2022). От ноономики – к ноосфере? // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 3, С. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47.
- Боос В. О., Куценко Е. С., Соломатин П. П., Шарапова А. С. (2024). Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (дата обращения: 23.07.2025)
- Булавка-Бузгалина Л. А. (2021) Культура как рынок: «не продается вдохновение»? // Вопросы философии. № 3. С. 5–17.

- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (ред) (2020). На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте. С. 490
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2022). Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д. А. Давыдова) // Социологические исследования. № 9. С. 100–109. DOI 10.31857/S013216250021070-0.
- Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. (2022). Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. С. 44.
- Глазьев С. Ю. (2023). Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // VIII Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2023). С. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-33-41
- Гречко М. В., Плешивцева А. А. (2024). О роли креативного работника в экономике XXI века // Вопросы политической экономии. № 3(39). С. 150–168. DOI: 10.5281/zenodo.13895711
- Гречко М. В., Севилян С. Э. (2023). Творческий труд в эпоху цифровой индустрии 4.0: марксистский подход. // Международный форум Kazan digital week – 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54763197&pff=1> (дата обращения: 13.06.2025).
- Единак Е. А. (2021). Оценка полных затрат труда в российской экономике с учетом квалификационного уровня работников // Проблемы прогнозирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-polnyh-zatrat-truda-v-rossiyskoy-ekonomike-s-uchetom-kvalifikatsionnogo-urovnya-rabotnikov> (дата обращения: 17.06.2025).
- ВЦИОМ (2025). Работа из дома как новая норма. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 17.06.2025).
- Джетленд (2024). Статистика ЦБ по краудлендингу и краудфандингу за 2023 год. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (дата обращения: 21.06.2025).
- ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. «Креативный сектор России в цифрах: 2024» URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 23.07.2025)
- Каблов Е. (2010). Шестой технологический уклад. Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 23.07.2025).
- Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2025 г).
- Макаренко Г. (2020). Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах. РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (дата обращения: 25.06.2025).
- Струкова Е. (2025). ФНС: число самозанятых в России впервые превысило 13 млн человек. РБТочкаРУ. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (дата обращения 17.06.2025).
- Социально-экономическое положение России 2024 год. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (дата обращения: 15.06.2025 г).
- BusinesStat (2025). Анализ рынка краудфандинга в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг. (ДемOVERсия). С. 8. URL: https://businesstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 24.06.2025).
- Петров М. (2024). Интересная статистика о шеринговых сервисах в России от Tele2. Mobile-Review.com. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (дата обращения: 26.06.2025).

- Ernst Ulrich von Weizsäcker, Anders Wijkman (2018). Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / A Report to the Club of Rome. P. 220.
- Freeman A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*, 84(4). P. 26
- Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen and Jean-Paul Fitoussi (2009). Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. URL: <https://www.iep.ru/en/press/book/2015/mis-measuring-our-lives-why-gdp-doesn-t-add-up.html> (дата обращения: 15.06.2025).

References

- Arkhipova V. V. (2023). Integration Processes in the Global Economy: A Noosphere Approach and the Development of the Eurasian Space. *Economic Revival of Russia*. Vol. 75. No. 1. P. 15. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019). Noonomy: Conceptual Foundations of a New Development Paradigm. *Bulletin of the Ural State Economic University*. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). From Noonomy to Noosphere? *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 3. Pp. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47. (In Russ.).
- Bulavka-Buzgalina L. A. (2021) Culture as a Market: “Is Inspiration Not for Sale”? *Questions of Philosophy*. No. 3. Pp. 5–17. (In Russ.).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (Eds.). (2020). *On the Way to Noonomy: Man, Technology, and Society in the Space of Associated Production and Consumption*. Moscow: S. Y. Witte INID. 490 p. (In Russ.).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2022). Capitalism, Post-Capitalism, and the Creative Revolution (Critical Reflections on D. A. Davydov's Article). *Sociological Studies*. No. 9. Pp. 100–109. DOI 10.31857/S013216250021070-0. (In Russ.).
- Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2022). *Routine and Risks of Automation in the Russian Labor Market*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 44 p. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2023). Prospects for the Development of Russia in the Long Wave of Growth of the New Technological Order. In: *8th St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2023)*. Pp. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-33-41. (In Russ.).
- Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. (2024). On the Role of the Creative Worker in the Economy of the 21st Century. *Problems of Political Economy*. Vol. 39. No. 3. Pp. 150–168. DOI: 10.5281/zenodo.13895711. (In Russ.).
- Grechko M. V., Sevikyan S. E. (2023). Creative Labor in the Era of Digital Industry 4.0: A Marxist Approach. *International Forum Kazan Digital Week 2023*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54763197&pff=1> (Access date: 13.06.2025). (In Russ.).
- Edinak E. A. (2021). Assessment of Total Labor Costs in the Russian Economy Considering the Qualification Level of Workers. *Studies on Russian Economic Development*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-polnyh-zatrat-truda-v-rossiyskoy-ekonomike-s-uchetom-kvalifikatsionnogo-urovnya-rabotnikov> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- BusinesStat (2025). Analysis of the Crowdfunding Market in Russia in 2020-2024, Forecast for 2025-2029. (Demo). *BusinesStat*. 8 p. URL: https://businessstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businessstat.pdf (Access date: 24.06.2025). (In Russ.).

- Boos V. A., Kutsenko E. S., Solomatin P. P., Sharapova A. S. (2024). Creative Sector in Russia Demonstrates Concentrated Growth. *ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- Begin A. (2024). How Many Freelancers Are There in the World? *Inclient*. URL: <https://inclient.ru/freelance-stats/> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Creative Sector of Russia in Numbers: 2024. *ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Central Bank Statistics on Crowdfunding for 2023. *Jetland*. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (Access date: 21.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Labor force, Employment and Unemployment in Russia: 2024. *Rosstat*. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (Accessed 15.06.2025). (In Russ.).
- Petrov M. (2024). Interesting Statistics on Sharing Services in Russia from Tele2. *Mobile-Review.com*. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (Access date: 26.06.2025). (In Russ.).
- Makarenko G. (2020). Sharing Economics in 30 Figures and Facts. *RBC Trends*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (Access date: 25.06.2025). (In Russ.).
- Strukova E. (2025). FTS: the Number of Self-Employed in Russia for the First Time Exceeded 13 Million People. *Russian Business*. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- Kablov E. (2010). Sixth Technological Paradigm. *Science and Life*. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Socio-economic Situation in Russia: 2024. *Rosstat*. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (Access date: 15.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2025). Working from Home as the New Normal. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- von Weizsäcker E. U., Wijkman A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. A Report to the Club of Rome. 220 p.
- Freeman A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*. Vol. 84. No. 4. P. 26
- Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. (2009). *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up*. URL: <https://www.iep.ru/en/press/book/2015/mis-measuring-our-lives-why-gdp-doesn-t-add-up.html> (Access date: 15.06.2025).

Информация об авторах

Гречко Михаил Викторович

Доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета, кандидат экономических наук, доцент (344006, РФ, Ростовская обл., Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42)

E-mail: mvgrechko@inbox.ru

Ванян Алина Леоновна

Студентка института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета (344006, РФ, Ростовская обл., Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42)

E-mail: alinawvait@yandex.ru

Information about the authors

Mikhail V. Grechko

Assistant Professor, Institute of Tourism, Service, and Creative Industries, Southern Federal University; Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, Rostov Oblast, 344006, Russia)

E-mail: mvgrechko@inbox.ru

Alina L. Vanyan

Student, Institute of Tourism, Service, and Creative Industries, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, Rostov Oblast, 344006, Russia)

E-mail: alinawvait@yandex.ru